

Г. П. ГЕОРГИЕВ

ИРАН И ТЕРРОРИЗМ

Слова *террор* и *терроризм* не сходят в последние годы со страниц газет и журналов, а, между прочим, слова «терроризм» нет ни в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Эфрона, ни в Большой советской энциклопедии издания 1976 г. Термин «террор» приводится в обоих изданиях, но главным образом в отношении французской революции и русских политических организаций XIX в., а «террористический акт» БСЭ трактует, как «...посягательство на жизнь или иная форма насилия над государственными или общественными деятелями, совершаемые с политическими целями».

Однако, если рассматривать проблему террора глубже, то мы убедимся, что она также стара, как мир, только формы ее со временем менялись. Так, еще в IV в. до нашей эры греческий историк Ксенофонт писал о пользе психологической войны против населения вражеской страны.

Римские императоры Тиберий и Каллигула использовали методы массового террора для укрепления своей власти и избавления от врагов и заговорщиков. Испанская инквизиция арестовывала, судила и сжигала всех, кого она считала еретиками, во Франции полтора века католики преследовали протестантов и только революция 1793 г. предоставила им права, которых они так долго добивались. Робеспьер ввел режим террора («красный террор») как средство борьбы с роялистами, и, в конце концов, сам пал его жертвой. Во Франции в 1815-1816 гг. после воцарения Людовика XVIII Бурбона под его белым знаменем развернулся «белый террор», направленный против бонапартистов, республиканцев и протестантов. После гражданской войны в США (1861-65) побежденные южане создали знаменитую террористическую организацию Ку-Клукс-Клан. Во второй половине XIX в. террор стал практиковаться приверженцами различных анархистских организаций Европы, России, Америки, которые считали, что изменить существующее положение можно, просто убрав со сцены того или иного государственного деятеля. Террор в государственном масштабе был развязан в гитлеровской Германии и в 30-е годы в СССР.

Особенно быстро террор стал развиваться во второй половине XX века, когда отдельные лица или группы стали пытаться дестабилизировать положение, чтобы добиться смены режима в отдельных странах. Следует отметить, что к террористическим методам борьбы иногда прибегали обе заинтересованные стороны в антиколониальных конфликтах (Ирландия и Великобритания, Алжир и Франция, Вьетнам с одной стороны, и Франция и США – с другой), в борьбе за территорию (Израиль и Палестина), в конфессиональных конфликтах (католики и протестанты в Северной Ирландии), а также во внутренних конфликтах между революционными силами и законными правительствами (Индонезия, Филиппины, Иран, Никарагуа, Сальвадор, Аргентина). Положение значительно усложнилось, когда террористы стали применять автоматическое оружие и использовать управляемые взрывные устройства. Современные средства связи, как правило, ведут передачи с места событий, трагедии могут наблюдать миллионы зрителей, которые одновременно узнают о требованиях, жалобах и политических целях террористов. Самое страшное, что современный терроризм отличается от классического тем, что, как правило, его жертвами становятся многие невинные люди, которые могли оказаться на месте событий совершенно случайно, и это многократно усиливает действие самого террористического акта. Не встречая поддержки у населения, террористы пытаются привлечь к себе внимание и добиться своих целей путем угона самолетов, кражи людей, убийств и организации взрывов в многолюдных местах. Примерами таких действий могут служить группа Баадер-Майнхоф в Германии, Красная армия в Японии, Красные бригады в Японии, палестинские организации типа Аль-Фаттах, чеченские экстремисты, движение Талибан и многие другие.

В нашу задачу не входит обзор или характеристика всех этих организаций, мы остановимся только на Иране и на том, что с ним связано.

Иран и проблемы терроризма

Возникновение экстремистских организаций в Иране относится к 50-60 гг. прошлого века. Ускорение движения по капиталистическому пути, провозглашенное шахом Ирана Мохаммад Резой Пехлеви после государственного переворота 1953 г., и поддержанное руководством США того времени, желание вывести Иран на 5 место в мире к 2000 г., неизбежно влекло за собой кроме положительных, также и все отрицательные явления, связанные с этим процессом (страна переживала тяжелый экономический кризис, росла инфляция, увеличивалась безработица, и все это больше и сильнее всего отражалось на малоимущих классах, на городской бедноте).

Обстановка требовала проведения коренных социально-экономических преобразований, которые

только и могли привести страну к политической и экономической стабильности. Около 70% населения было занято в сельском хозяйстве, которое во многих районах строилось на полуфеодальных отношениях. Жители деревень разорялись, пополняя ряды безработных в городах, производство сельскохозяйственной продукции не могло обеспечивать нужды страны, с каждым годом увеличивался импорт продовольствия. Попытки шаха реформировать страну, провозглашение двух десятков принципов так называемой «революции шаха и народа» или «белой революции», среди которых главным было проведение в стране земельной реформы, дважды торпедировались Меджлисом, который по указу шаха дважды распускался. Против этих, по сути своей прогрессивных, реформ объединенным фронтом выступали представители как правых, феодальных, так и левых, демократических организаций, которых не устраивали не сами реформы, а намерение проводить их в условиях отсутствия парламента.

С резкой критикой провозглашенных реформ выступало и руководство иранского духовенства аятолла Буруджерди объявил аграрную реформу противоречащей догмам ислама, а попытку предоставления женщинам политических прав – нарушением норм шариата.

Значительное отрицательное влияние на положение в Иране оказала политика администрации Д.Кеннеди, которая в тот период старалась не допустить национально-освободительное движение в странах «третьего мира» путем проведения в этих странах аграрных реформ и некоторой либерализации их общественного строя.

В это же время на иранской политической арене появился Рухолла Мусави Хомейни, который выступил с резкой критикой шахского указа, выведившего американцев, работавших в Иране, из под юрисдикции иранских судов за преступления, совершенные ими на иранской территории. «Если американец убьет иранца, ему ничего не будет, а если иранец ударит американскую собаку, его посадят в тюрьму», заявил он, чем навлек на себя шахский гнев и последующую высылку на многие годы за пределы Ирана, сперва в Турцию, а затем в Ирак и Париж, откуда Хомейни вернулся на родину триумфатором и победителем.

Проводимые шахом реформы привели к усилению бюрократической верхушки, военных и крупной предпринимательской буржуазии, которые являлись основой режима, и проводимых реформ.

Постепенно различные классы общества разочаровывались в проводимой руководством страны политике. Чиновники, интеллигенция, средние городские слои убеждались, что жизнь остается тяжелой, материальное положение улучшается очень медленно, перспектива сделать быструю карьеру для большинства представителей молодого подрастающего поколения практически отсутствует. Видимо, в этом и следует искать корни левого экстремизма, поскольку основную массу ультралевых экстремистских групп оставляли школьники старших классов и безработная масса студентов, а также молодые интеллектуалы. Рабочий класс и крестьянство в этих организациях участия практически не принимали. Недаром после Исламской революции по указанию Хомейни был принят закон, по которому чиновникам-мужчинам можно было уйти на полную пенсию за 5 лет до наступления законного возраста, а женщинам – за 10 лет. Тем самым были освобождены места для молодежи, которая не находила себе работы. Была также повышена в 5 раз минимальная заработная плата, бедные слои населения частично освобождены от платы за воду и электроэнергию, семьям осужденных и расстрелянных работников шахских правоохранительных органов выплачивалась полная пенсия, как самому чиновнику, и т.д. Все эти нестандартные меры приводили к снижению социальной напряженности в обществе и обеспечивали на первых порах после революции поддержку режима клерикалов самыми широкими слоями населения.

Небольшую отдушину из создавшегося в 50-60 гг. положения в период господства шахского режима молодежь находила в возможности поехать на учебу в США или европейские страны, и эта тенденция сохранялась до Исламской революции 1979 г., когда только в США обучалось 56 тыс. иранских студентов.

Находясь за границей, иранские студенты знакомились с национально-освободительными движениями в других странах, получали доступ к различной, недоступной им на родине литературой, жадно впитывали идеи борьбы против угнетения, за справедливость и всеобщее благополучие. Недаром, возвращаясь на родину, они становились инициаторами создания политических организаций, чаще всего экстремистского толка. Существовавшие в Иране условия и сильный полицейский контроль препятствовал созданию легальных партий, поэтому шахская оппозиция возникла одновременно в виде ультралевого и ультраправого движения, которые, несмотря на кажущиеся различия в поставленных целях, вопросах идеологии и политики, стали пользоваться одинаковыми методами борьбы – (насиленными, террористическими и вооруженными партизанскими) для достижения поставленных целей.

Толчком к созданию ультраправой (религиозно-националистической) оппозиции, состоявшей в основном из представителей националистической интеллигенции, городской и мелкой сельской буржуазии и реакционной части духовенства, служили социально-экономические реформы, проводимые шахом.

Нужно заметить, что правый экстремизм возник в Иране еще в 40-е годы, когда была создана крайне правая террористическая организация во главе с муллой Наввабом Сафави под названием «Федаяне ислам» (Поборники веры). По некоторым сведениям подобная организация действовала в 20-е годы

в Палестине и создал ее в молодости аятолла Кашани, бывший в начале 50-х гг. председателем парламента (Меджлиса) и выступавший вместе с премьер-министром Ирана Мосаддеком за национализацию Англо-Иранской нефтяной компании.

Фидаи ислама организовывали террористические акты против прогрессивных политических деятелей, членов парламента и правительства. Они пропагандировали исключительность иранской нации и Ирана и считали, что Иран должен занимать главенствующую роль на Ближнем и Среднем Востоке. Фидаи поддерживались духовенством, мелкой городской буржуазией, шовинистическими слоями населения и так называемым «базаром», (большим крытым базаром в южной части Тегерана, где в 50-е годы было сосредоточено примерно половина частного капитала страны), который в то время играл роль индикатора отношения довольно значительной части населения к правительству и его действиям. И когда базар закрывался, то есть объявлял забастовку, деловая активность не только в Тегеране, но и в основных районах страны бывала практически парализована.

В 1949 г. Фидаи организовали, хотя и неудачно, покушение на шаха, после чего в стране были запрещены все политические партии, хотя Фидаи действовали в подполье до середины 60-х годов, когда в результате массовых арестов и казней деятельность этой организации прекратилась.

В 1964 г. на сцену вышла немногочисленная правая организация под названием «Партии исламской нации», представлявшая в основном шовинистическую молодежь: духовенство, техническую интеллигенцию, преподавателей религиозных и светских школ. Под знаменем ислама члены этой глубоко законспирированной организации призывали к борьбе против шахской автократии, обвиняя шаха в превышении власти, пособничестве проникновению в страну «империализма», одновременно выступая и против проводимых реформ, как противоречащих исламу и шариату. Эта организация вела партизанскую войну в районах к северу от Тегерана, нападая на полицейские посты и т.д. Многие члены этой организации были также казнены, когда правительство организовало тотальную борьбу против экстремистов.

Ультралевые группировки также избрали своими методами вооруженную борьбу с правящим режимом, выступая за вооруженное восстание «во имя победы революции и марксизма». Основной костяк левозэкстремистских организаций составляли студенты и интеллигенция, находившиеся раньше частично под влиянием Народной партии Ирана, объявленной в 1949 г. вне закона.

Интерес иранской интеллигенции и студенчества к левым теориям и маоизму особенно возрос в 60-е годы, когда в международном коммунистическом движении стал происходить раскол, и маоистские идеи стали широко обсуждаться как в странах Европы, так и ряде развивающихся стран. Иранцы, находившиеся в западных странах, активно знакомились с трудами Мао, читали книги Троцкого, Маркузе, Дебре, восхищались такими лидерами революционного движения, как Че Гевара. Распространению в Иране левозэкстремистских взглядов способствовало и то, что Народная партия Ирана находилась на нелегальном положении, и не могла активно влиять на развитие ситуации в стране, хотя и делала такие попытки. Так, в 1965 г. несколько бывших членов НПИ во главе с Касеми и несколько иранских студентов объявили о создании Революционной народной партии Ирана, взяв на вооружение маоистские доктрины «народной войны», «окружения города деревней» и др. Однако отсутствие ясной цели, четкой политической платформы и, самое главное, массовой базы, эта организация вскоре разделилась на «Революционную народную партию», или «Туфан» (Буря) по имени издававшейся ими в Европе газеты, и партию «марксистов-ленинцев», называвшихся по имени их газеты «Сетаре сорх» (Красная звезда).

Как та, так и другая организация пропагандировали идеи маоизма, призывали к немедленной вооруженной борьбе городских слоев против режима, приводили в своих газетах различные высказывания «Председателя» по поводу борьбы и победы коммунизма. Они поддерживали постоянные контакты с Пекином, а также с ультралевозэкстремистским крылом палестинского движения сопротивления.

Под влиянием их пропаганды группа студентов и интеллигенции решили начать вооруженную борьбу на практике, и перешли к партизанским действиям в прикаспийских провинциях Гилян и Мазандаран, в Курдистане и даже в окрестностях Тегерана. Однако шахским органам безопасности удалось под маской активных маоистов заслать в эти организации провокаторов, что и привело, в конечном счете, к раскрытию организаций, массовым арестам и казням.

В процессе создания этих партизанских групп их руководители пытались обосновать основные идеи партизанского движения, что было опубликовано в брошюрах Сафаи (Один революционер), Пуйана (Необходимость вооруженной борьбы и отказ от других методов), Ахмад-заде (Вооруженная борьба: стратегия и тактика).

Сафаи считал «наиболее благоприятной» средой для развития партизанского движения иранские племена Фарса и Курдистана, а «самой активной силой» - молодых интеллигентов. Рабочий класс в работе Сафаи совсем не упоминался, что же касается крестьянства, то ему на первых порах отводилась только роль «зрителя». Сафаи не только абсолютизировал роль вооруженной борьбы, что соответствовало маоистскому лозунгу «винтовка рождает власть», но и выдвигал на первый план теорию об особой миссии отдельных личностей, храбрецов, за которыми должны следовать массы. Он неоднократно подчеркивал, что организация военно-политических ячеек и групп является первым и самым важным шагом, поскольку

ку вооруженное столкновение «может начаться с разоружения одного полицейского и перерасти в массовый террор над врагом».

Другой вождь «народных партизан» Пуйан считал, что на первых порах революционной борьбы не только крестьяне, но и рабочие не могут быть союзниками «пролетарских революционеров». Он утверждал, что рабочие, даже недовольные своим положением, не хотят учиться политике, а отсутствие у них политического чутья и их несознательность приводят к безропотному принятию господствующей идеологии и культуры. По его словам «пролетарская интеллигенция» может войти в соприкосновение с массами только посредством революционных действий. По мнению Пуйана только «навязывание силы» может вернуть пролетариату его самосознание и заставить его играть нужную роль в начавшейся борьбе.

В своем стремлении быстро добиться поставленной цели лидеры «народных партизан» выдвигали лозунг «чем хуже, тем лучше», суть которого заключалась в том, чтобы вызвать народные волнения путем искусственного ухудшения положения. Они призывали рабочих нарушать процессы производства, портить машины, умышленно выпускать бракованную продукцию и даже «воровать орудия труда». И хотя они и признавали, что в результате таких действий положение в стране только ухудшится, усилятся террор и репрессии со стороны карательных органов, тем не менее, они считали, что предлагаемые ими анархистские действия «в совокупности явятся выражением участия масс в борьбе и их помощи революционным силам».

В своих сочинениях, неоднократно переиздававшихся, Ахмад-заде также отдавал предпочтение вооруженной борьбе, поскольку широкие народные массы представляются ему в виде запуганной разрозненной толпы, уповающей только на религию и капитулирующей перед силой. Интересно, что ни в одной работе этих теоретиков ничего не говорится о возможности вести революционную пропаганду в армии, везде речь идет только об ограниченной группе революционных партизан.

Уже в самом начале активных действий этих групп обнаружились их просчеты и слабость в организации партизанского движения. Отряды действовали разрозненно, не имели связи друг с другом, не было единого плана действий, единого руководства, отсутствовал порядок и слаженность и в самих отрядах. Действия партизан, хотя и вызвали широкий отклик среди населения, про них говорили, их листовки тайком передавались из рук в руки, о них заговорили в студенческих кругах, в мелкобуржуазной среде, но, тем не менее, их действия не были поддержаны ни городским, ни, тем более, сельским населением. В то же время на партизанские действия оперативно отреагировало правительство. Были созданы специальные мобильные отряды для подавления партизанского движения (общей численностью до 80-100 тыс. человек), по указу шаха был организован специальный Комитет по борьбе с партизанским движением из представителей армии, жандармерии и всех правоохранительных органов. Начался активный поиск и аресты участников боев.

В это время некоторые левые группировки в поисках поддержки населения стали прибегать к религии, стараясь сочетать шиитский ислам с марксизмом. Две такие организации «Моджахедине хальк» и «Федайане хальк» (Самопожертвование ради народа, или «мусульманские марксисты» и Поборники народа), в которые входили сторонники бывшего Национального фронта Мосаддека, религиозные деятели, интеллигенция, учащиеся. Они стали пропагандировать для привлечения широких масс населения идеи совмещения борьбы и сотрудничества с религиозными кругами (и в чем-то они оказались правы, поскольку именно в эти организации стали вступать женщины). Эти подпольные террористические организации вели пропаганду главным образом среди учащейся молодежи, распространяли листовки, журналы, брошюры в университетах практически всех городов. В доходчивой для мусульман форме критиковался шахский режим, который сравнивался со всем известным и ненавистным для иранских шиитов средневековым режимом омейядского халифа Йазид-виновника мученической гибели внука пророка – имама Хосейна, основной фигуры почитания в шиизме.

Небольшие отряды сторонников этих организаций устанавливали связь друг с другом и совместно разрабатывали планы террористических актов. Только за 1974-75 гг. членами этих организаций было совершено полтора десятка терактов как против иранских лиц, так и против американских военных советников.

Главная концепция, на основании которой эти группы осуществляли свою деятельность, сводилась: к отрицанию всяких реформ, проводимых шахским правительством, в том числе и аграрной, которая, по их мнению, несколько не улучшила положения крестьянских масс, ориентации на затяжную вооруженную партизанскую борьбу, в городах и деревне, непримиримости к Народной партии Ирана. Забегая вперед, следует отметить, что эти две организации и взяли на себя основную тяжесть подготовки и свершения исламской революции 1979 г. в Иране.

Народная партия Ирана, находившаяся в эмиграции в СССР и различных европейских странах, пыталась критиковать моджахедов и фидаев за их пренебрежительное отношение к пропагандируемой НПИ авангардной роли марксистской партии в революционном движении, а также к утвержденной в 1973 г. новой программе НПИ, в которой хотя и указывалось, что в Иране еще нет достаточных предпосылок для перехода к социализму, однако утверждалось, что этот переход нужно всячески готовить. НПИ

в своей программе настаивала на том, что гегемоном национально-демократической революции обязательно должен выступать пролетариат, а действия моджахедов и фидаяев признавала ошибочными и вредными, поскольку эти организации не имели достаточной связи с широкими народными массами и их действия приводили к неоправданным жертвам.

Следует сказать, что помимо моджахедов и фидаяев, этих наиболее крупных и значительных организаций, в Иране в середине 70-х годов появилось много других политических образований. По оценкам специалистов, к началу 1979 г., когда произошла революция, на политическом поле Ирана действовало около 120 различных партий, платформ, организаций, объединений и др. Как пример, можно назвать Партию последователей Энвера Ходжи, троцкистов, приверженцев III Интернационала, Коммунистов села, просто Коммунистическую партию, Союз коммунистов, Рабоче-крестьянскую коммунистическую партию, Группу борьбы за освобождение рабочего класса (бывших «марксистских моджахедов»), маоистов, группировки типа Путь рабочего, Призыв рабочего, Партизан-фидаяев иранского народа, Бойцов за свободу рабочего класса, исламских групп: Хезбуллах, Абу-Зар, Аллах Акбар, Аль-фаджр, Истинных шиитов и многих других, от ультралевых до ультраправых. И все эти образования печатали листовки, исписывали стены домов лозунгами, участвовали в многочисленных митингах и многочасовых демонстрациях, призывы на которых постепенно менялись от «смерть шаху» к «наш единственный путь-вооруженная борьба» с одной стороны, и «ни Запад, ни Восток, а Исламская Республика» - с другой. И ход событий показал, что фидаяи и моджахеды, ставшие на путь вооруженного сопротивления, оказались вопреки всем уверениям членов Народной партии Ирана правы. Противопоставив вооруженной силе государства свою вооруженную силу, они смогли сбросить шахский режим. И иранское духовенство во главе с Хомейни смогло найти свое место в этой борьбе, органично вписаться в нее, постепенно возглавить движение и воспользоваться его плодами, захватив власть.

Победа народа под идейным руководством духовенства над вооруженным до зубов шахским режимом оказалась для всего мира такой же неожиданностью, как и появившееся после этого выражение «исламская революция».

Дело в том, что до того времени понятие «революция» было несовместимо с понятием «ислам», идеологи которого всегда придерживались принципа «Шуры» (совета, совещания) и социального мира. Они осуждали «социалистические теории Запада», считая, что они несут «раскол общества, анархию и безверие». Поэтому в мире должны были произойти очень серьезные изменения, чтобы понятия «революция» и «ислам» слились воедино. Дело в том, что в течение прошлого века все без исключения мусульманские страны переживали такие явления, как экономические кризисы, политические перевороты, радикальную трансформацию общественных структур и морально-психологического климата вследствие вовлечения их в мирохозяйственные связи. Как результат – крайне болезненная адаптация к воздействию культуры, технологии, организационных принципов, этики, нравов и эстетики Запада, приведшая к «вестернизации» отдельных секторов и отдельных слоев восточного общества.

Мусульмане, более десяти веков общавшиеся с европейцами, все это время оказывали сопротивление европейской экспансии, рассматривая ее не только как военную, но, прежде всего духовную и религиозную агрессию. Неудачи в этом противостоянии, которые Восток неоднократно терпел, особенно в последние столетия, привели к сильному ожесточению мусульман. Хотя следует отметить, что они не выступают против западной цивилизации или западного влияния, как таковых. Они решительно против военного, политического, экономического и, особенно, духовного господства иноверцев, так как считают это покушением не столько на свою свободу, сколько на самобытность и неповторимость своей цивилизации. Однако, XX век не оставил им никакого выбора, кроме борьбы. На смену колониальным порядкам пришли еще более изощренные, неоколониальные, продолжавшие закреплять господство Запада в экономической, финансовой, научной, технической и военной сферах. Даже обретя политическую независимость, мусульманские страны продолжали оставаться на периферии мирового капитализма, и вынуждены были подчинять свою хозяйственную, политическую и социокультурную жизнь с требованиями развитых стран, очень часто – своих бывших метрополий. Изменения быта, нравов и обычаев населения под давлением идущей с Запада модернизации, начинают подрывать монополию ислама в этих сферах жизни мусульман, что вызывает крайне негативную реакцию не только официальных представителей ислама, но и наиболее традиционалистски настроенных кругов верующего населения. Происходившая в последние десятилетия XX века модернизация экономики стран ислама и начавшийся процесс глобализации привели к быстрой пауперизации значительной части, если не большинства мусульман, наплыву в города массы разоренных сельских жителей, а ускоренная урбанизация населения во всех мусульманских странах приводит к невиданной ранее концентрации своеобразного «горючего материала» в виде неимущих маргиналов, представляющих собой своеобразный социальный динамит. И следует признать, что страны Запада, и, в первую очередь США, сделали многое для взрыва этого динамита.

Большинство аналитиков констатируют почти повсеместную неудачу мусульманских стран обеспечить адекватный экономический рост в рамках западной экономической политики, поэтому многие мусульмане смотрят на ислам как на более справедливую экономическую систему. Рост недовольства и

разочарования политикой, проводимой большинством светских (часто прозападных) правительств мусульманских стран, приводит к нагнетанию социальной напряженности, на что правительства отвечают введением диктаторских методов управления, репрессиями, установлением цензуры, нарушением гражданских прав, преследованием и физической расправой над своими политическими оппонентами, которые разоблачают коррупцию и разложение государственного аппарата, а иногда и просто выступают с критикой правящей верхушки с позиций исламской морали. Недовольство многих мусульман вызывает невозможность противостоять западному влиянию ввиду содействия ему со стороны руководства части мусульманских стран, таких, как Турция, Пакистан, Иордания, Египет и др., а принятие рядом мусульманских лидеров американской версии «мусульманского заговора» вызвало взрыв возмущения в мусульманском мире. Сильнейшим раздражителем общественного мнения в арабских странах и некоторых других странах ислама стала утрата Палестины и возникновение Израиля, что представляется не только, и даже не столько, как политическое и военно-стратегическое поражение, а как удар по исламу иноконфессиональной силы, нанесенной при помощи стран Запада и в первую очередь-США. Поэтому готовность ряда мусульманских стран и части палестинских лидеров вести диалог с Израилем трактуется как следствие «американского опекуинства», что лишний раз способствует усилению противостояния США и мусульманского мира.

Все эти факторы и создали условия для перехода мусульманских стран и их народов от широко распространенного в 20-60 гг. XX в. национализма к исламскому радикализму («революционному исламу»). Этот переход был обозначен исламской революцией 1979 г. в Иране – единственной революцией XX в, произошедшей под руководством мусульманского духовенства. Эта революция, как под увеличительным стеклом сконцентрировала и отразила все перечисленные выше причины революционности мусульман. Конечно, в Иране сложились весьма благоприятные условия для такого исторического поворота. В стране действует более 80 тысяч мечетей, активной обработкой мозгов верующих занято более 300 тыс. человек духовенства различных рангов и званий, в том числе около тысячи высших иерархов, имеющих титул «аятулла», а также около 1,5 млн. человек, носящих звание «сейидов», то есть прямых потомков пророка Мохаммада, к которым относился и аятулла Хомейни, и которые широко почитаются в народе и кровно заинтересованы в соблюдении существующего порядка. Подготовкой религиозных кадров заняты около 300 медресе и других учебных заведений с жесткой учебной программой и серьезными требованиями к обучающимся. Против этих сил светский, нарочито прозападный (или даже проамериканский), деспотический, действовавший террористическими методами, режим шаха оказался несостоятельным и рухнул, как картонный домик. В период роста социальной напряженности шах ухитрился поссориться с духовенством, результатом чего была высылка из страны Хомейни, активно проводил политику вестернизации в быту, ограничивал влияние духовенства в области просвещения и юриспруденции, а также в экономической сфере (контроль над управлением вакфами) и т.д. Лишенный идеологических рычагов воздействия на общество, шахский режим пал, несмотря на всестороннюю помощь США- одной из двух сверхдержав, которые в глазах иранцев стали главной причиной ухудшения положения в стране. Однако, если влияние США отрицалось иранцами полностью, против СССР выступления носили практически только идеологический характер, и не касались таких сфер сотрудничества, как экономическая, которая успешно претворялась в жизнь, несмотря на подготовку революции и всех последовавшие за этим событий. Достаточно вспомнить, что в период нарастания революционной ситуации бастовали все предприятия страны кроме Эсфаханского металлургического завода, где работали наши специалисты, поскольку доменный процесс нельзя было остановить без разрушения домны. Тем не менее, был найден вариант, когда отработавшие смену рабочие шли бастовать, в то время как их место занимала следующая смена. Таким образом, и завод выпускал продукцию, и коллектив участвовал в революционной борьбе иранского народа.

Дальнейшему распространению и усилению «революционного ислама» способствовали события в Афганистане, куда съезжались борцы «за правое дело» из многих мусульманских стран и были вовлечены такие государства, как Пакистан, Саудовская Аравия, США, в меньшей мере Иран и КНР. Во всех регионах распространения ислама, включая и отдельные районы СССР, на антисоветской основе был отмечен рост исламского фундаментализма. В большой степени этому способствовало как активное развертывание фундаменталистами пропаганды и настоящей информационной войны, в которой на их стороне участвовало много СМИ западных стран, так и весьма значительная материальная, техническая и кадровая поддержка моджахедов Афганистана мусульманскими диаспорами численностью до 18 млн. человек в США и западных странах. Лидеры этих диаспор активно организовывали сбор средств, обучение боевиков, набор желающих посвятить себя «святому делу», а также обращению в ислам тысяч и тысяч людей различной национальности в разных странах (кстати, в нашей прессе также начали публиковаться сообщения о переходе в ислам россиян). Таким образом, можно констатировать, что исламский радикализм, он же «революционный ислам» стал проявляться во многих мусульманских странах, а также в бывших республиках Средней Азии, на Северном Кавказе и отдельных районах России. Цель, которую ставят перед собой исламские экстремисты, осуществление исламских революций по примеру Ирана и

создание исламских государств (иногда «исламских республик»), которые бы жили по единой конституции – Корану. Во многих мусульманских странах сейчас идет борьба практически за кардинальную перестройку общества на основе Корана и шариата.

Анализируя историю XX в., нетрудно обнаружить факторы, которые способствовали исторически и политически происхождению самого понятия революционности в исламе. Это, безусловно, события 1917-1921 гг. в России, подорвавшие традиционные устои жизни миллионов мусульман и кардинально изменившие условия их существования в дальнейшем. События февраля и октября 1917 г. объективно подорвали уверенность мусульман в силе, прочности и авторитетности Российского государства, сотрясаемого малопонятными для большинства из них двумя революциями за год и позволившего ниспровергнуть сами основы своего существования. Для большинства мусульманских деятелей легитимность даже Временного правительства казалась сомнительной, ибо не была освящена ни монархией, ни церковью, ни традицией. Последовавший за этим Октябрь только добавил к этим сомнениям ощущение полного разрыва со всеми предшествующими традициями и со всем, что олицетворяло российскую цивилизацию. Эти события породили уверенность в том, что мусульманам не по пути с саморазрушающейся Россией, погружившейся в анархию, хаос и революционный нигилизм. К тому же, антирелигиозный нигилизм, охотно демонстрируемый большевиками, был особенно неприемлем мусульманами, для которых отказ от веры, безбожие считается не только преступлением, но и самоуничтожением. И если мусульманская элита в России еще как-то могла мириться с властью Временного правительства, которое на местах было представлено в основном старыми и знакомыми кадрами – дореволюционными чиновниками, интеллигенцией и предпринимателями, то социальная катастрофа, последовавшая за Октябрем, грозила уничтожить и саму мусульманскую элиту. Отсюда почти повсеместное сопротивление новой власти и неприятие новых идей. В этой связи может возникнуть вопрос, чем объясняются успехи большевиков в национальной политике первых лет после революции. Это можно объяснить двумя причинами. Первая – непонимание мусульманскими лидерами того факта, что возврата к прошлому быть не может, вторая – провозглашенная большевиками политика уважения национальной и религиозно-культурной самобытности мусульман и их права на самоопределение и автономию, что умело использовалось большевиками, такими, как выдающийся татарский революционер Султан-Галиев. Этой политикой можно объяснить то, что большинство мусульман России не только осталось в стороне от гражданской войны и выступления басмачей, но даже поддерживало большевиков в этот период. Особенно это было заметно после 1922 г., когда были восстановлены шариатские суды, мечетям и медресе было возвращено отобранное ранее имущество, возрождены вакфы, празднование пятницы вместо воскресенья, выборность имамов и др. В этот период мусульманское руководство выдвигало лозунг о совместимости ислама и новой власти. Правда, мирное сосуществование ислама и советской власти длилось недолго, опыт взаимодействия ислама и революции, широких масс мусульман и радикального движения социального протеста остался, причем он не был, как ни странно, уничтожен последующей сталинской политикой антимусульманских репрессий.

Таким образом, можно сделать вывод, что революция 1917 г. в России не только взорвала старое российское общество, но и решающим образом изменило отношение мусульман к революции, заставила их искать свое место в политической и социальной борьбе между «белыми» и «красными». Участие в этой борьбе революционировало мусульманское общество, ускорило его политическое и социальное развитие, мобилизовало его внутренние ресурсы, стимулировало различные группы мусульман отстаивать свои интересы методами революционного сопротивления вплоть до вооруженного насилия. Гражданская война способствовала быстрому созданию и укреплению различных групп, партий и общественных организаций мусульман, нарождалась идеология мусульманского национализма и мусульманской революционности, которые базировались с одной стороны на этноконфессиональной и культурно-исторической самобытности мусульман России, а с другой – на усвоении огромного, многообразного, хотя и неоднозначного опыта революции и революционной борьбы всех народов России. Этот опыт распространился в 1920-30 гг. на многие мусульманские страны, как по линии Коминтерна, так и через мусульман, покинувших СССР, через басмачество и т.д.

Этот опыт привнес в мусульманскую среду зарубежного Востока высокую степень идеологизации и политизации социальной борьбы и социальных движений, возросший уровень организованности и политической культуры, увеличение склонности к революционному насилию и массовым движениям общественного протеста, в которых сочетались как традиционные формы сплочения (мечеть, суфийские братства и др.), так и новейшие способы объединения верующих (партии, профсоюзы, различные ассоциации). Все это явилось основой революционирования мусульманского общества в разных странах в последующие десятилетия, и последовательная и все более нарастающая политизация ислама, дошедшая до пика в Иране в 1979 г., и теперь уже ни у кого не остается сомнений, что исламизация, как и прочие перемены в обществе, может быть осуществлена не только традиционным мирным, но и революционным путем. В сознании мусульман понятия «ислам» и «революция» окончательно соединились. А это обстоятельство, взаимно усиливая радикализм исламистов и фанатизм революционеров, способствует слиянию

в мире ислама воедино всех форм социального, политического, национального и религиозного протеста, многократно проявляя силу их проявления.

Об использовании Ираном террористических методов и поддержке им международного терроризма после революции 1979 г.

Обвинения Ирана в применении террористических методов и поддержке им международных террористических организаций стали раздаваться сразу же после событий 1979 г. Захват «революционными студентами, идущими по пути имама» американского посольства в ноябре 1979 г., фетва имама Хомейни, приговорившего английского писателя Салмана Рушди к смерти (его голова была оценена иранцами в 2,8 млн.долл., причем недавно аятолла Иазди подтвердил действие этой фетвы и выразил уверенность, что «с помощью Аллаха она будет реализована»), убийство четырех активистов Демократической партии Иранского Курдистана в берлинском ресторане стали своеобразным козырем в руках американской администрации, давшим ей возможность отнести Иран к числу террористических стран. Этому способствовали также выступления имама Хомейни в первые годы после революции, в которых он призывал к «экспорту исламской революции» в другие мусульманские страны, его уверенность в том, что во время ирано-иракской войны шиитское население Ирака поднимет восстание против Саддама Хусейна и примкнет к Ирану, поддержка мусульманских террористических организаций, таких, как «Хезбуллах», «Исламский джихад» и др.

«Исламский джихад» возник на базе движения «Братья-мусульмане». Ее лидеры считают вооруженную борьбу единственным способом создания «альтернативного исламского государства». Эта борьба направлена, прежде всего, против тех арабских режимов, которые «отклонились от ислама» или преследовали «Братьев-мусульман». Фракции «Исламского джихада» есть почти во всех арабских государствах и в некоторых неарабских, где они существуют обычно под другими названиями. Большую роль в упрочении позиций этой организации сыграла победа исламской революции в Иране.

Активная фракция «Исламского джихада» действует в Палестине, где считает своей основной мишенью Израиль. Палестинские земли должны быть освобождены от оккупантов-евреев, поскольку именно Палестина является не просто составной частью, но фундаментом исламского мира. Эта фракция появилась в 1980 г. на оккупированных территориях, в секторе Газы под руководством Фатхи Шакаки. Он вел активную пропаганду против оккупации палестинских земель Израилем и призывал сопротивляться этому всеми силами и средствами, за что был выслан властями в 1988 г. в Ливан. После высылки Шакаки организация была реорганизована, в ней была создана специальная группа боевиков для осуществления террористических актов против Израиля. С 1991 г. некоторые операции члены «Исламского джихада» проводят вместе с проиранской организацией «Хезбуллах», и из Ирана же получают финансовую помощь..

Были сообщения, что в 1997 г. «Исламский джихад» заключил с Ираном договор, по которому он получает премию за каждый теракт против Израиля. Сотрудничество организации с Ираном продолжается и в настоящее время,

«Хезбуллах» (Партия Аллаха) была создана в Иране по указанию имама Хомейни для борьбы с оппозицией. В задачи партии входили рейды против оппозиционных партий, разгром редакций неугодных газет, подавление митингов, и т.д. Призывая под зеленые знамена, эта организация ставило своей целью установить повсюду приоритет ислама.

С 1982 г. основная деятельность партии осуществлялась в Ливане, этой многоконфессиональной стране, где проживают христиане-марониты, православные христиане, друзы, мусульмане-сунниты и мусульмане-шииты. Политический и социальный баланс между всеми группами регулировался договором 1943 г., который устанавливал пропорциональное представительство каждой группы в парламенте, правительстве и на государственной службе. Однако с течением времени пропорции были нарушены, значительно выросло количество шиитского населения (с 33 до 45% от общей численности), требования пересмотра договора постепенно переросли в гражданскую войну. Возглавлял движение шиитов Муса ас-Садр, учившийся в Иране и Ираке. Под его руководством религиозное возрождение привело к созданию мощного политического шиитского движения под названием «Движение лишенных наследства», которое в 1974 г. трансформировалось в военно-религиозную организацию «Амаль».

После исчезновения Мусы ас-Садра в 1978 г. в Ливии, организация раскололась на две части, наиболее радикальная из которых превратилась в ливанскую фракцию «Партии Аллаха». Этот процесс произошел в основном под влиянием двух факторов: победы исламской революции в Иране и вторжения Израиля в Ливан в 1982 г. Именно тогда Иран послал на помощь ливанцам несколько сотен своих «стражей исламской революции», которые работали в качестве инструкторов по подготовке боевых шиитских групп. Вначале фракция «Партии Аллаха» в Ливане состояла из ряда разрозненных групп, но постепенно они стали сливаться, превратившись в хорошо организованную армию, возглавляемую Высшим советом (Шурой) из 12 человек во главе с Генеральным секретарем. Совет имеет 7 отделов (военный, дипломатический, социальный, разведки, пропаганды и др.). Все серьезные решения принимаются коллегиально и получают одобрение духовных лидеров Ирана. Эта организация постепенно вобрала в себя остатки дви-

жения «Амаль» и превратилась в хорошо обученное и вооруженное формирование, имеющее свои штабы, лагеря подготовки боевиков, базы снабжения и т.д. Иран неоднократно передавал ей оружие, боеприпасы, регулярно снабжал деньгами. Во многом эти средства используются на улучшение жизни населения: строительство школ, больниц, осуществление социальных программ в деревнях. Имеется даже собственная телевизионная станция, которая ведет передачи религиозного характера, а также показывает записи военных операций армейских подразделений. Кроме Ирана, этому движению оказывает покровительство и Сирия, куда обычно по воздуху доставляется снаряжение для «Партии Аллаха», переправляемое затем через сирийско-ливанскую границу. «Партия Аллаха» взяла на вооружение доктрину Хомейни об исламской республике и приспособила ее для шиитов Ливана. Основа этой доктрины заключается в том, что ислам является не только религией, но и политической и социально-экономической системой, стоящей выше всех этнических и социальных противоречий. Поэтому ислам и создание исламского государства является лучшим и наиболее благоприятным решением этих проблем для всех. Из этой цели вытекают конкретные задачи, которые следует решать, а именно:

- отмена конфессиональной системы и преобразование Ливана в мусульманское государство, управляемое по законам шариата,

- сопротивление влиянию империализма и западного образа жизни, и освобождение от них всех мусульман Ливана,

- объединение приверженцев ислама во всем мире на основе фундаментализма,

- борьба с Израилем и освобождение от него Иерусалима и Палестины.

Последнему пункту придается особое значение, поскольку, по мнению теоретиков «Партии Аллаха» только освободив Палестину можно установить исламский порядок в Ливане и решить главный вопрос – достижение исламского господства во всем мире.

В то же время теоретики партии считают, что конфликт с евреями Израиля и США является воплощением трех глобальных конфликтов:

- А - конфликта между «властителями мира» и «растоптанными мира», т.е. угнетенными,

- Б - культурной войны между Западом и мусульманским миром,

- В - исторической войны между иудаизмом и исламом.

В этой теории Израиль представляется, как порождение «западного, то есть мирового Зла», и создан им, с целью утвердить свое присутствие на Ближнем Востоке и разграбить богатства арабских стран. Израиль является главным препятствием, мешающим объединению арабских стран, поэтому он должен быть уничтожен. Израиль – это «маленький шайтан» («большой шайтан – США»), и они являются причиной всех бед мусульман.

Когда палестинское руководство решило вступить в переговоры с Израилем, это было встречено в штыки в Ливане, и иначе, как предательство арабских интересов, как «сатанинский план», «заговор и расизм» не называлось.

После 1979 г., когда иранское руководство ратовало за «экспорт исламской революции», произошли значительные изменения во внутренней и внешней политике Ирана. Приход к власти правительства Хатами, начавшего трудный процесс корректировки внешнеполитического курса страны, и концепция экспорта революции если не исчезла из программ правительства совсем, то, по крайней мере, была значительно урезана, и от нее осталась практически только антиизраильская составляющая, объясняющая поддержку иранцами ливанской «Партии Аллаха» и некоторых палестинских организаций. Правда, на официальном уровне Тегеран отвергает всяческие попытки обвинить его в помощи террористам, признавая только свою морально-политическую поддержку. Однако духовный лидер страны аятолла Хамеanei неоднократно называл Израиль «раковой опухолью, которая должна быть ликвидирована», а один из руководителей страны, Резаи заявил, что «Иран будет бороться с сионизмом, пока Израиль не будет окончательно уничтожен». Материальная помощь ливанцам поступает, как правило, из фондов духовенства, неподконтрольных правительству и парламенту. Так, например, попытки правительства включить в проект государственного бюджета на 2002/2003 г. финансовые операции этих фондов были заблокированы органами конституционно-шариатского надзора.

Антиизраильская и антиамериканская направленность деятельности «Партии Аллаха» в Ливане дает возможность США, начиная с середины 90-х гг. перманентно включать Иран в список стран, поддерживающих международный терроризм, причем в докладе за 2001 г. он был назван наиболее активным спонсором международного терроризма. Однако, даже в этом докладе американцы были вынуждены отметить непричастность Ирана к событиям 11 сентября в США, а также усилия правительства страны по сокращению поддержки экстремистских групп. В докладе отмечалось также проявленная иранцами готовность предоставить свою территорию для вынужденной посадки американских самолетов в период кампании против талибов в Афганистане, а также совместная работа с США и другими странами в деле урегулирования ситуации в Афганистане. Тегеран выступил с однозначным осуждением террористических актов в США и одновременно заявил о неприемлемости всех форм и видов терроризма, и необходимости борьбы с ним исключительно в рамках международного права, на основе выработки комплексного

плана под эгидой ООН. Одновременно Тегеран заявил о необходимости воздерживаться от односторонних дискриминационных мер борьбы с терроризмом, а также от применения двойных стандартов. Тегеран высказался также за скорейший созыв саммита по проблемам терроризма и выработку Конвенции по этой проблеме.

Позиция Ирана в этот период была признана большинством стран положительной и конструктивной, поэтому резкий поворот в оценке Ирана американцами в начале 2002 г. явился для всех полной неожиданностью. Штаты вновь начали антииранскую кампанию, обвиняя Иран в стремлении создать и модернизировать оружие массового уничтожения и средств его доставки, а также в поддержке радикальных группировок на Ближнем Востоке. 29 января 2002 г. Буш в своем послании конгрессу назвал Иран вместе с Ираком и Сев Кореей в числе стран, составляющих «ось зла». Иран обвинялся в подрывных действиях в Западном Афганистане и неприятии мер по пресечению попыток членов «Аль Каиды» найти убежище на иранской территории. Иран со своей стороны, представил доказательства того, что на его территории были задержаны и депортированы в Саудовскую Аравию две партии арабов, подозревавшихся в связях с «Аль Каидой». Что касается обвинений в поддержке ливанцев, то и тут иранское руководство стремилось ослабить имеющуюся напряженность в этом регионе (поездка министра иностранных дел Ирана Харрази в Сирию и Ливан в апреле 2002 г.). Однако, американцы продолжали нагнетать обстановку вокруг Ирана. Россия обвинялась в поддержке атомной программы в Иране, хотя наше правительство твердо заявляло, что строительство атомной станции в Бушире не имеет ничего общего с ядерным оружием. В этой связи хотелось бы отметить, что в период правления шаха была разработана и согласована с Америкой программа строительства 20 атомных станций, в том числе 2 на Каспии. Американцы брали на себя строительство 8 станций, поскольку в тот период американские компании испытывали недостаток заказов, и это строительство могло обеспечить им хороший доход. Сейчас американцы об этом почему-то не вспоминают, а единственная АЭС, сооружаемая с нашей помощью, вызывает у них недовольство. США вдруг стали обвинять иранцев и в содействии взрыву еврейского центра в Буэнос-Айресе в 1994 г., причем газеты утверждали, что Иран уплатил президенту Аргентины 10 млн. долл. за то, что он опроверг заявления об участии иранцев в этом акте. Но это заставило даже представителя госдепартамента Ваучера заявить «об отсутствии ясных свидетельств причастности Ирана к взрыву в Буэнос-Айресе».

Следует отметить, что по вопросам терроризма и борьбы с ним точки зрения Ирана и России во многом совпадают или очень близки, и контакты между нашими странами по этой проблеме начались задолго до взрывов торгового центра в США. В Москве с удовлетворением отмечали, что Иран последовательно выступал с осуждением терроризма, как глобальной угрозы миру и безопасности. При этом неоднократно указывалось, что Иран, так же, как и Россия, знает о терроризме не понаслышке (после Исламской революции в Иране некоторые политические группировки, в первую очередь Моджахеде иранского народа, начали террор против правительственных кругов и уничтожили несколько руководителей Республики).

Принципиально важной для российско-иранских отношений стала позиция Ирана в отношении контртеррористической операции российской стороны в Чечне. Тегеран заявил о полной поддержке суверенитета и национальной целостности Российской Федерации. Ситуация на Северном Кавказе рассматривалась иранской стороной, как сугубо внутреннее дело России.

Объективно отвечала российским интересам и деятельность Тегерана в период председательства ИРИ в Организации Исламская конференция (1997-2000 гг.).

С общих с Россией позиций выступал Тегеран и после прихода к власти в 1996 г. «Движения таалибан», которое рассматривалось Ираном, как источник террористической и наркотической региональной и даже глобальной нестабильности. Общность российских и иранских подходов к антитеррористической проблеме была зафиксирована в Совместном заявлении по терроризму, подписанном нашими министрами иностранных дел в Нью-Йорке 28 сентября 1998 г.

Активизировался российско-иранский диалог по этой проблеме после сентября 2001 г. Она обсуждалась на встречах президентов, министров иностранных дел двух стран, неоднократных консультациях руководителей внешнеполитических ведомств.

Новый толчок развитию российско-иранских отношений, безусловно, даст встреча Президентов обеих стран в Шанхае в июне 2006 г. и участие ИРИ в работе ШОС.

Исламская Республика Иран и страны Центральной Азии

Исламская Республика Иран в силу своего геополитического положения, экономического и военного потенциала является одним из важнейших государств на южном направлении внешней политики России, и по многим факторам является нашим союзником, особенно сейчас, когда он перестал (или почти перестал) эксплуатировать идею экспорта исламской революции, а также вынужден переживать период не только санкций со стороны США но и угрозы самому своему существованию. Вряд ли США, несмотря на всю свою решимость покончить с «осью зла» изберут в отношении Ирана ту же тактику, что и в отношении Ирака. Иран со всех точек зрения несравним с Ираком, который был обескровлен долгой блокадой со стороны западных стран, поэтому прямое военное вмешательство вряд ли возможно. Оче-

видно, как мы уже можем наблюдать, в случае Ирана американцы избрали другую тактику – подрыв режима изнутри. Круглосуточная пропаганда американцев использует слабости иранского руководства, их ошибки, критикует существующие в стране исламские порядки, показывая, с другой стороны, как живут иранцы в США и других странах. А поводов для критики можно найти достаточно: за 20 лет иранская валюта обесценилась примерно в 80 раз, в стране много безработных, не всем нравятся исламские порядки и др. И мы видим по телевизору демонстрации студентов и городской бедноты, а что это означает, помнит каждый, кто пережил события 1978-79 гг.: Исламская Революция начиналась аналогично, по тому же сценарию.

Таким образом, Тегерану выгодно придерживаться хороших отношений, как с Россией, так и с Центрально-Азиатскими республиками. Он стремится занять свободную нишу в этом регионе, видя сильных конкурентов в лице Пакистана и Турции. С нашей точки зрения Иран может рассматриваться как своего рода стабилизирующая сила, оказывающая противодействие региональной конфронтации, пантюркистским устремлениям Турции и проникновению в регион Пакистана. Кроме того, экономическое сотрудничество с Ираном выгодно для России в том плане, что Иран является платежеспособной страной и проявляет интерес к нашей продукции (АЭС, самолетам, военной технике, поставке технологий и т.д.), что было бы неразумным не использовать. Кроме того, лежащий на перекрестке мировых торговых путей Иран готов предоставить свою территорию для транзитных перевозок грузов, как по маршруту Север-Юг по Волге-Каспию к портам на Персидском заливе, так и по другим, железнодорожным маршрутам: (Шелковый путь, Закавказье-Персидский залив и Средняя Азия-Персидский залив). Важность этих маршрутов для транзитной торговли России и республик Средней Азии трудно переоценить. Следует еще учитывать то обстоятельство, что некоторые государства Центральной Азии хотели бы иметь транзитные возможности, не зависящие от России, и в этом случае Иран, имеющий выходы в Туркмению с одной стороны, и Персидский залив, с другой, является наилучшим вариантом. Есть сведения, что Германия, Индия и Бангладеш вели переговоры с Ираном о возможности использования его территории для развития торговых операций с центральноазиатским регионом.

Иран очень заинтересован в транспортировке нефти и газа из Средней Азии по своей территории с дальнейшей ее отправкой в страны-импортеры. А, судя по имеющимся данным, в ближайшие годы объемы добываемой нефти и газа в районе Каспийского моря, в Туркмении и Казахстане могут составить значительную величину. Важнейшим вопросом для стран региона является их возможное членство в ОПЭК, и Иран вместе с ними стремится выработать общую политику экспорта нефти. Помимо транзита нефти и газа (который является рычагом, влияющим на политику), через иранскую территорию, ОПЭК выражает намерение интеграции с прикаспийскими странами и государствами Средней Азии в целях решения важнейших проблем, связанных с энергоносителями. Иран же уже сейчас уделяет большое внимание активизации дипломатических отношений между государствами Каспийского бассейна, в частности в связи с наличием у них больших запасов энергоносителей. В случае достижения общего согласия и подписания международных договоров о транзите нефти и газа через Иран, позиции Ирана с в ОПЕК и в мировом масштабе значительно укрепятся.

Другим очень важным для Ирана вопросом является членство центральноазиатских республик в Организации Исламская Конференция. Оно не только увеличивает состав и охватываемую территорию, но и укрепляет силу и авторитет этой организации в мире. Вместе с тем, это членство приводит к усилению роли неарабских стран в Организации Исламская Конференция, что, соответственно, усиливает позиции Ирана в принятии важных решений.

Таким образом, Ирану со всех точек зрения выгодно поддерживать добрососедские отношения со странами региона, и он стремится делать это на практике.

Иран и Средняя Азия в древние времена нередко входили в состав одной и той же империи, которые стали создаваться около 2 тыс. лет тому назад, и особенно, после завоевания этого региона арабами и повсеместного распространения арабского языка, культуры и религии. Сплав арабо-иранской культуры и науки был широко распространен на территории рассматриваемого региона уже в конце первогодначале второго тысячелетия нашей эры. Уже тогда Фердоуси создал свое знаменитое «Шах-намэ», Авиценна писал свои сочинения, а Махмуд Газневид собрал вокруг себя известнейших поэтов и певцов. Таким образом, иранская культура, персидский язык, поэзия были широко распространены в регионе и сохранили свое влияние на многие последовавшие века вместе с исламом.

После распада Советского Союза бывшие среднеазиатские республики оказались в своеобразном вакууме, когда полученный суверенитет давал им полную свободу действий, а они практически не знали, что с ней делать. Катастрофическое падение производства, нарушение привычных торгово-экономических связей, борьба за власть между различными группами чиновников – все это сказалось на жизни населения и руководству этих стран потребовалось искать новые пути выхода из создавшегося положения, без привычной опоры на северного соседа. Иран, заинтересованный, прежде всего в безопасности своих северных границ, опасаясь проникновения в страны региона Турции и Пакистана, стал предпринимать энергичные меры для укрепления своих позиций и расширения своего влияния в этих

странах, тем более, что в них живет довольно большое число этнических иранцев, появившихся там в результате нескольких волн миграции. Первая волна иранских мигрантов пришла в этот регион еще в период правления династии Сефевидов и состояла она в основном из торговцев, студентов и пленников, которые расселились в районе Самарканда и Бухары – признанного культурного и религиозного центра мусульманского мира. Вторая волна была в начале XX в., когда на российскую территорию перешло большое число мешхедских евреев, принявших шиизм и долгое время проживавших в районе Ашхабада. Вместе с ними в Россию переселилось значительное число иранцев, исповедовавших так называемый бахаизм. Многие из этой волны в 30-е годы прошлого века были выдворены советской властью обратно в Иран. Последняя волна переселенцев, это политические беженцы, покинувшие Иран в 1948 г., после того, как иранское правительство разгромило Народную партию Ирана и требовавших автономии азербайджанцев.

Практически небольшие группы иранцев живут на территории всех бывших Среднеазиатских республик, сейчас имеют свои мечети, в которых служба ведется по шиитскому обряду, издают свои газеты, и иранское правительство старается оказывать им помощь в основном по культурной линии (организация языковых курсов, открытие библиотек и т.д.). В самих же республиках преподавание персидского языка существует практически во всех государственных университетах.

Следует отметить, что иранские власти до настоящего времени нигде не старались вмешиваться в национальные или конфессиональные конфликты, происходившие на территории центральноазиатских республик. Наоборот, например Иран вместе с Россией принимал самое активное участие в разрешении афганской проблемы, участвовал в переговорах в Таджикистане, причем Россия была осведомлена, что Иран имеет контакты с таджикской оппозицией и, таким образом, давление на враждующие группировки производилось с двух сторон.

Иран старается улучшить свои связи с Россией и использовать ее авторитет на международной арене. Одновременно он старается получить экономическую выгоду от сотрудничества с Центральноазиатскими республиками. Из-за активности Ирана в Центральной Азии в качестве лидера Организации Экономического сотрудничества и членства центральноазиатских стран в этой организации волею или неволею происходит противопоставление их остальным членам СНГ. Но одновременно с этим стремление Ирана улучшить отношения с Россией позволяют образовать определенное пространство ирано-российского сотрудничества.

Иран и Россия имеют совпадающие точки зрения на региональную безопасность и стабильность. Россия стремится противодействовать безраздельному присутствию иностранных государств в регионе, Иран также считает, что любая нестабильность в регионе вредит его безопасности. Поэтому он старается путем переговоров и посредничества старается сохранить мир и стабильность в этом регионе. В связи с этим Иран с пониманием относится к сохранению лидерства России с странах СНГ и исходит из того, что в новых условиях сильная Россия сможет быть гарантом обеспечения интересов Ирана в регионе. Слабая же Россия открывает путь в регион другим государствам.

Совместные интересы у Ирана и России есть и в зоне Персидского залива. В последние годы многие страны залива создали благоприятные условия для присутствия в этом регионе США. Связи этих стран с Америкой настолько прочны, что она стала играть там ключевую роль. Это положение не устраивает ни Иран, ни Россию. Поэтому позиция Ирана, предполагающая обеспечение безопасности стран залива, одобряется Россией.

Судя по многочисленным заявлениям иранских официальных лиц, основные усилия Ирана в отношении стран Центральной Азии направляются в сферу экономики. Создается впечатление, что Иран исходит из того, что прочные экономические связи со странами региона дадут ему возможность проведения необходимой внешней политики и затем, идеологии. Сейчас на всех уровнях подчеркивается, что Иран выступает не только против мусульманского экстремизма, но и против развития фундаментализма в регионе.

Экономическое сотрудничество в долгосрочной перспективе базируется на следующих положениях:

1 этап – взаимодействие Ирана и стран региона с учетом борьбы за повышение уровня жизни малоимущих слоев населения и ликвидации бедности как фактора, сводящего на нет все усилия сотрудничества,

2 этап – участие Ирана в социально-экономической модернизации центральноазиатских стран с переходов в постиндустриальное общество с надежной инфраструктурой и высоким уровнем потребления,

3 этап – участие Ирана в рекреационных, реабилитирующих обширные территории мероприятиях при соблюдении интересов всех сторон по эксплуатации природно-сырьевых ресурсов, а также участие в восстановлении и реконструкции экосистем. Это особенно актуально в отношении Таджикистана, а также граничащих с Ираном Туркменией, Азербайджаном и Арменией. Правда, иранские эксперты делают оговорку в отношении того, что место центральноазиатских стран (как, собственно, и самой Рос-

сии) в новом мировом порядке и международных отношениях окончательно не определено, хотя, господство влияния России на страны Центрально-Азиатского региона остается и после распада Советского Союза, поэтому уровень и качество этих отношений между этими странами и Россией по сравнению с другими государствами и союзами являются доминирующими. Видимо, этим объясняется и интерес Ирана к Шанхайской организации сотрудничества, которая может служить развитию связей Ирана с заинтересованными государствами региона.

Иран и Ирак

Сложными остаются отношения Ирана с шиитской общиной соседней страны – Ирака. Дело в том, что шииты Ирака остаются в первую очередь арабами, племена, живущие в северных районах Ирака, приняли шиитскую версию ислама только в 19 веке, когда они стали переходить с кочевого на оседлый образ жизни. Языковые и этнические разногласия не способствуют взаимопониманию этих групп населения. К этому можно добавить и религиозные споры. Дело в том, что в Ираке находятся основные святыни иранских шиитов: Наджаф, где похоронен двоюродный брат и зять пророка Али, и Кербела, около которой был в свое время убит и где находится могила Хусейна – внука пророка, который стоит на третьем месте в пантеоне иранцев.

Город Наджаф длительное время считался одним из основных религиозных центров шиизма, пока с середины 1940-х годов эту роль не стал играть иранский Кум, где находятся основные религиозные учебные заведения и живет основная масса ученых-богословов страны. Там жил первое время после возвращения в Иран и имам Хомейни, переехавший затем в Тегеран.

А во время своей ссылки он также долгое время жил в Наджафе, откуда переехал в Париж, из которого в 1979 г. возвратился триумфатором в Тегеран, где на его первую проповедь собралось до полутора миллионов иранцев.

Когда в 1979 г. в Иране пришло к власти духовенство во главе с Хомейни, объявившем об «экспорте исламской революции», иракские духовные лидеры поддержали его не все. Самую горячую поддержку новой власти продемонстрировали представители наджафских сейидов иракского клана Садров. Один из представителей этого клана Мухаммад Бакер ас-Садр был автором нескольких книг, из которых наиболее известны переведенные на персидский язык «Наша философия» и «Наша экономика». В последней он подвергает критике капитализм и социализм и обосновывает необходимость идти своим, «третьим» путем, получившим название «тоухидной экономики», построенной на принципах ислама. Это учение было взято на вооружение иранскими богословами перед революцией 1979 г., отсюда родился лозунг «Ни Запад, ни Восток (подразумевались США и СССР), а Исламская Республика». Мухаммад Бакер был убит при невыясненных обстоятельствах в 1980 г. Другой представитель этого клана Садек ас-Садр был расстрелян вместе с двумя сыновьями в 1999 г. Шиитская община была уверена, что это было сделано по приказу Саддама Хусейна, и главой клана стал третий сын Садека – Муктада ас-Садр. В свое время Садек ас-Садр приказал своим сыновьям и последователям считать верховным авторитетом в вопросах веры аятоллу Казема Хаери, живущего в иранском религиозном центре Куме, и таким образом, иранцы получили возможность непосредственно влиять на настроение иракских шиитов. Как пример, можно привести фетву Хаери (религиозный эдикт, обязательный к исполнению), выпущенную им накануне падения Багдада, в которой он призвал иракских шиитов бороться против американской оккупации, назначив Муктаду ас-Садра руководителем этой борьбы. Что было потом, всем хорошо известно. Однако, значительная часть иракских шиитов (может быть подавляющая их часть) считала своим духовным лидером аятоллу Абдулмаджида Хои – сына убитого по приказу Саддама Хусейна религиозного авторитета. Он вернулся из изгнания и высказывал себя сторонником сотрудничества с американцами в строительстве нового иракского государства. Однако, в апреле 2003 г. он был убит в мечети Али в Наджафе. Другой шиитский руководитель Мухаммад Хаким, проведенный в изгнании в Иране 23 года и сторонник позиции Хои, был взорван в Наджафе в августе 2003 г., причем вместе с ним погибло еще 126 человек. В марте 2004 г. иракский суд выдал ордер на арест Муктады ас-Садра по обвинению в этих убийствах, что и послужило толчком к восстанию шиитов. По имеющимся сведениям, в Ираке после свержения Саддама Хусейна было убито больше 20 шиитских лидеров, в основном стоявших на позициях, отличавшихся от позиции Хомейни.

После смерти Хои и Хакима роль духовного лидера Ирака перешла к Али Сейстани, который пытается проводить политику, намеченную еще аятоллой Хои, но, не имея серьезной вооруженной поддержки, выступает довольно пассивно. Кроме того, как этнический иранец, он не может в этом отношении конкурировать с Садрами, которые являются сейидами иракско-ливанского происхождения. И это, видимо, сказывается на его позиции, поскольку он также выпустил фетву, в которой с небольшими оговорками поддерживает борьбу, начатую Муктадой ас-Садром против американцев. Это усиливает позицию иранского руководства, а Хезбулла и Исламский джихад активно участвуют в шиитском восстании.

Вместо послесловия

Являясь страной, непосредственно граничащей с рассматриваемым регионом, Иран, безусловно, заинтересован в развитии со странами региона всесторонних политических, экономических и культурных

связей. Эта заинтересованность объясняется, как стремлением заручиться поддержкой этих стран и тесно связанной с ними России в противостоянии с Америкой, которое в последнее время достигло наивысшей точки, так и чисто утилитарными причинами: желанием получить доступ к богатейшим рынкам сырья, в первую очередь углеводородного, стать необходимым «мостом» при экспорте этого сырья из Средней Азии в потребляющие государства Европы и Азии, обеспечить сбыт своих промышленных товаров на обширный рынок северных соседей.

С точки зрения геополитической, закрепление Ирана в Центральной Азии будет сдерживать развитие в этом регионе идей «пантюркизма», к чему стремится Турция, и в экономическом плане ограничивать возможности экспансии Пакистана, который также крайне заинтересован в доступе к источникам углеводородного сырья и электроэнергии, которую может давать Таджикистан в случае строительства крупных гидроузлов на Вахше, Пяндже и Амударье.

Иран всячески подчеркивает свое неприятие терроризма и мусульманского экстремизма и на всех уровнях осуждает агрессию, хотя и в самой стране ведется жесткая борьба с инакомыслящими, невзирая на лица (за высказывания против духовного лидера много лет под домашним арестом находятся зять Хомейни – аятолла Монтазери, и аятолла Шариатмадари, который имел неосторожность сказать, что в Меджлисе должны заседать не муллы, а специалисты) Консервативное крыло духовенства, которое стоит во главе страны, не отказывается и от помощи террористическим организациям, ведущим борьбу с Израилем. Здесь можно было бы напомнить, что Соединенные Штаты оказывали самую широкую помощь пресловутому Бен-Ладену, когда его отряды воевали в Афганистане с нашими войсками, и тогда он был не террорист, а борец за демократию.

Что касается обострившихся до предела ирано-американских отношений, то это относить только за счет помощи Ирана террористам было бы, видимо, неправильным. Америка прилагает много усилий для организации политической оппозиции как внутри самого Ирана, так и за его пределами, в надежде, что существующее руководство Ираном может быть свергнуто «народными массами», после чего можно будет начать строительство «демократического общества». Чтобы убедиться в правильности этой мысли, можно вспомнить статью, опубликованную в *Независимой газете* еще в сентябре 2002 года. Автор статьи приводит выдержки из отчета компании «Бритиш Петролеум Амоко», в котором приводились факты, которые позволяют несколько иначе посмотреть на истинные цели антитеррористической операции западных стран против талибов и "Аль-Каиды" в Афганистане и планируемой США операции по свержению Саддама Хусейна.

Уже никого не надо убеждать в том, что XXI век – это век борьбы за энергоносители, самым крупным потребителем которых в мире являются США. В мае 2001 года президент Джордж Буш объявил новую энергетическую стратегию, суть которой заключается в увеличении и диверсификации производства энергии в США, а также в "модернизации сетей", которые соединяют производителей и потребителей энергии. Президент недвусмысленно заявил, что Америке необходимо также уменьшить зависимость от импорта зарубежной сырой нефти, в частности - начать добычу нефти в природной резервации на Аляске. Как и следовало ожидать, инициативы президента по извлечению нефти из собственных недр пришлись не по душе прагматичным американцам, привыкшим жить на привозной нефти стран Ближнего Востока и Латинской Америки. Против выступили дружным фронтом губернаторы и мэры ряда крупных штатов и городов, в частности Калифорнии и Сан-Франциско, политики и видные религиозные деятели.

Как известно, основные мировые запасы углеводородного сырья сосредоточены в недрах Ирака и Ирана, стран Каспийского региона. Так, недра Ирака, по экспертным оценкам, таят в себе 15 процентов мировых запасов нефти, а ее месторождения в основном еще не освоены. Не исключено, что Ирак еще богаче, чем это было принято считать до сих пор. Пустыни на западе страны до сих пор почти не исследованы. Ученые не исключают, что, в конечном счете, резервы Ирака могут оказаться такими же, как и у Саудовской Аравии. Причем условия производства считаются в Ираке почти райскими: стоимость добычи одного барреля меньше одного доллара. Чтобы добыть такие же объемы нефти на месторождениях, к примеру, в Северном море, нужно потратить до 18 долларов.

В Казахстане и в Туркменистане имеются очень большие запасы и нефти, и газа. Геологи неуклонно повышают свои оценки разведанных запасов месторождений под Каспийским морем. По данным Министерства энергетики США, Казахстан, возможно, располагает запасами нефти почти в 4 раза большими, чем разведанные запасы Мексики. Как заявил один высокопоставленный официальный представитель США в Казахстане, пожелавший остаться неизвестным, "в этой стране у нас огромные интересы в сфере экономики и энергоресурсов, это часть нашей национальной энергетической стратегии". По его мнению, в 2015 году Казахстан и его прикаспийские соседи могут стать одним из важнейших в мире источников

нефти.

США не скрывают своей заинтересованности в транспортировке нефти и газа из Каспийского региона любыми путями в обход России. Кстати, в этом ряду и строительство нефтепровода Баку-Джейхан, и различные проекты транскаспийских нефтепроводов.

Для того чтобы реализовать намеченные планы, вашингтонской администрации нужны послушные режимы и стабильность в этом регионе. Но не было ни одного, ни другого. Попытки свалить Саддама Хусейна за счет блокады, внутренней иракской оппозиции и курдов не удаются. Иран из-за своей неуступчивости и явной нелюбви ко всему американскому попал в "ось зла". Провалом завершилась и попытка с помощью талибов построить трубопровод для перекачки туркменского и узбекского газа через территорию Афганистана в порты Пакистана (напомним, что компании "Юнокал" (США) и саудовская "Дельта-ойл" планировали начать его строительство общей стоимостью в 3 млрд. долларов еще в июле 1997 года.)

Нельзя исключать того, что трагические события 11 сентября помогли Джорджу Бушу разрубить этот гордиев узел и подобраться под лозунгом борьбы с международным терроризмом как можно ближе к каспийским нефти и газу и месторождениям Ирака и Ирана. Кто будет обладать ими, тот будет и формировать в XXI веке мировую политику, диктовать свои условия в экономике. Этим во многом и объясняется такое активное присутствие Вашингтона в государствах Центрально-Азиатского региона-СНГ и Афганистане. Представители администрации США изначально заявляли, что американцы пришли в Центральную Азию "всерьез и надолго". Один из видных американских чиновников заявил буквально следующее: "Мы не будем повторять ошибок Советского Союза: мы не уйдем из Афганистана..." Были и другие подобные высказывания.

По мнению почетного консула Франции Рене Канья, США, расположив свою военную группировку в Бишкеке, "могут действовать и в направлении Афганистана, и в направлении Каспийского моря". Он считает, что столица Киргизии, расположенная почти на равном расстоянии между Афганистаном, Каспийским морем и Синьцзян-Уйгурским автономным районом Китая, стратегически важна для США, а потому они останутся в Киргизии "под любым предлогом". По мнению г-на Канья, "нефть Каспийского моря очень интересует их. А если потом возникнут проблемы с Китаем, особенно с Синьцзяном, лет через 10-20, то американцы - рядом. Это стратегия".

В процессе глобализации борьба за ресурсы обостряется. В этом смысле Центральная Азия и Средний Восток являются лакомым куском. Даже если вашингтонская администрация захочет работать в тандеме с Россией, то транснациональные корпорации США никогда на это не пойдут. Военные действия в Афганистане, планируемая операция против Ирака, а в последующем, не исключено, и против Ирана имеют экономическую подоплеку. США дорого за это заплатили и просто так этот стратегический регион не уступят никому.